

нерелігійними групами. Звернуто увагу на необхідність заходів з популяризації знань про релігії та включення тем про міжконфесійний діалог до програми підготовки вчителів.

Україні варто прислухатися до рекомендацій таких поважних всеєвропейських структур, як ПАРЄ, якщо вона заявила про свій намір стати членом ЄС. І хоча Україна має досвід міжрелігійного діалогу, наприклад, в рамках Всеукраїнської Ради Церков та релігійних організацій чи Української Асоціації релігійної свободи, які активно співпрацюють з державою та суспільством, побрибно продовжувати впевнено крокувати до утвердження в Україні загальноєвропейських цінностей – поваги до релігіївибору окремої особи, до прав людини та спільноти совірників думати, діяти, жити у відповідності до обраних ними цінностей.

*Торе ЛИНДХОЛЬМ,
Коул ДЮРЕМ,
Бахия ТАХЗИБ-ЛИ*

НОВАЯ РОЛЬ РЕЛИГИИ И СВОБОДА РЕЛИГИИ И УБЕЖДЕНИЙ*

Проблема соблюдения свободы религии и убеждений возникла тогда, когда появилась история, но она все еще остается столь же актуальной, как и заголовки сегодняшних новостей. Вопросы свободы совести, религии и убеждений рассматриваются в самых древних сказаниях человечества.

Глубокие проблемы могут принимать как умеренные, так и острые формы, но они пронизывают всю человеческую жизнь и со временем не уменьшаются. Современные конфликты в чем-то повторяют древние трагедии, и довольно часто это происходит в намного большем масштабе.

В новом тысячелетии эта проблема кажется более важной и неотложной, чем когда бы то ни было раньше. Она пронизывает собой ключевые сферы современной жизни – от культуры до гражданского общества, политики и идентичности, безопасности и конфликтов. В противоположность прогнозам теории секуляризации религия не находится на пути к умиранию. Можно сказать, что произошло скорее явное возвращение религии во многих частях мира. Однако религия возвращается в самых разных формах, воплощается в самых плюралистических образах, особенно если смотреть с точки зрения глобальной перспективы. В то время как некоторые все еще обдумывают тезис Хантингтона о «столкновении цивилизаций», о неизбежности конфликта в соответствии с религиозно обоснованными цивилизационными границами, новое возвышение религии уже выдвинуло вопросы свободы религии и убеждений на центральное место. Если ранее эта сфера была специализированным предметом для сравнительно немногих на международном уровне, то теперь ее значение едва ли можно переоценить.

В культурной сфере важность этой темы очевидна в связи с противоречиями между партикуляристскими призывами и представлением о том,

* Друкується за: Свобода религии и убеждений. – М., 2010. – С. 13-58.

что права человека, естественно, универсальны. Многие из большинства обсуждаемых проблем возникают именно на почве свободы религии и убеждений. Это касается проблемы прозелитизма, права менять свою религию, роли женщин в религиозной сфере. Трудности в этих культурных вопросах могут помочь объяснить, почему Декларация ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 года была сформулирована в качестве декларации, а не была выделена в юридически обязательную конвенцию. Таким же образом, Всемирная конференция по правам человека в Вене в 1993 году не смогла достичь успеха в выработке нового понимания универсальности и особенностей прав человека. Она лишь признала разногласия с помощью языка компромисса, продолжая утверждать универсальность прав человека наряду с принятием культурных и религиозных особенностей как таковых. Еще один актуальный пример - постоянно возникающие противоречия между этими успешными рекомендательными резолюциями в противостоянии ООН «диффамации религии» и теми, кто боится действовать в соответствии с этими резолюциями, что может ограничить право на выражение и свободу религии и убеждений.

Значимость религии и убеждений и свободы, которая их защищает, также очевидна на уровне гражданского общества. Права объединений, которые защищают организации в гражданском обществе, пересекаются с правами и свободами, защищающими общины верующих, и усиливают их. Последние играют критическую роль в мотивации, организации, обеспечении кадрами, поддержке и партнерских отношениях с организациями в рамках гражданского общества по осуществлению бесчисленных проектов на благо общества. Общины верующих являются основным прибежищем и источником альтруизма и нравственных обязательств. Организации в рамках гражданского общества, конечно, отражают в полном объеме плюрализм тех обществ, в которых они основаны, и их интересы могут совпадать или отличаться от интересов религиозных организаций или государства. Иногда это может привести к сотрудничеству между общественным, религиозным и государственным секторами. Это часто случается в Европе и не так давно стало возможным в Соединенных Штатах в рамках инициатив, основанных на религии и вдохновленных бывшим президентом США Джорджем Бушем. Между тем, довольно часто связи с религиозными общинами могут быть и разделяющими и могут укреплять конфликтные расхождения. Потенциальным средством в данной области может быть организация совместных акций, которые собирают усилия самых разных общин ради совместных интересов. Например, доклад Кентла (Cantle) «Единство общин» (“Community Cohesion”), выпущенный министерством внутренних дел Великобритании, рекомендовал, чтобы финансирование распределялось так, чтобы максимизировать контакты, информацию и деятельность между общинами.

Возрождение религии является, наверное, еще более очевидным в политической сфере. В связи с этим можно отметить подъем борьбы за религиозные права и значение политики в отношении аборт в США, подъем политического ислама во многих странах по всему миру, важность религии для политических движений, которые ниспровергли коммунизм в одной стране за другой в Восточной Европе, и так далее. В дополнение к этим макрополитическим событиям можно добавить, что постоянно появляются события, как-то связанные

с религиозным фактором и вызывающие политический интерес и обеспокоенность: скандал вокруг сексуальных домогательств духовенства в США является только одним, в особенности, постыдным примером.

Политическая идентичность является еще одной областью, которая включает в себя религию в самых разных формах. Этничность и религия были всегда тесно связаны и имеют большую историю тлеющего конфликта: сербы и хорваты в Югославии, сунниты и шииты в Ираке, мусульмане и христиане как доминирующая религия, а также мусульмане-нонконформисты в Индонезии. Политическая идентичность также проявляется в набирающей обороты политике, связанной с сексуальной ориентацией. Вопросы однополых браков стали одной из самых важных проблем в президентской политике в США. Либерализация в этой сфере начинает происходить во многих частях Европы. Сексуальная ориентация стала значительной темой во внутрицерковной политике в рамках различных деноминаций. Один из ярких примеров этого – посвящение открытого гомосексуалиста епископа Гене Робинсона в Нью Хэмпшире, которое запустило процесс, разделивший Англиканскую церковь по всему миру.

Конфликт и безопасность возникают как в особенности важные темы, в рамках которых религия давно признана важнейшим фактором. Вызываются ли конфликты религиозной мотивацией или же разжигаются политиками, которые эксплуатирует религиозную идентичность, остается дискуссионным вопросом. Однако сама по себе связь является неоспоримой – она проиллюстрирована слишком большим количеством недавних эпизодов.

Безусловно, нельзя проигнорировать темную сторону религии и насилия, но необходимо помнить, что религиозные общины играют потенциально важную роль в предотвращении конфликтов, в их разрешении, в налаживании мира после конфликта и в целом в стабилизации общества. Религия несет ответственность за то, что она имеет отношение к столкновениям и напряженности, ведущим к войне, однако ее фундаментальное послание основано на мире. Религиозные лидеры часто занимают поистине мужественные позиции, помогая находить пути по разрешению конфликтов. Они часто достигают существенных успехов в духовном согласии, которое является неотъемлемым условием для осуществления иных более осязаемых форм восстановления ситуации после конфликта. В целом религия играет ключевую роль в воспитании навыков честности, прилежания, верности и многих других качеств, без которых общества с трудом могли бы существовать. Возрождение религии по всему миру отражает на фундаментальном уровне привлекательность именно этих позитивных сторон религии.

Трагические события 11 сентября 2001 года вызвали тектонический сдвиг в осмыслении отношений религии, свободы и безопасности. Эти события стали сильным напоминанием об уязвимости цивилизации – уязвимости, которая разбила взрывами дом, в котором мы живем, во многих частях мира, показав, что нет безопасности нигде. Однако во множестве случаев этот совместный международный опыт породил острую реакцию. Права человека были принесены в жертву предполагаемым нуждам безопасности. Исторический урок, отраженный в ключевой декларации ООН, слишком часто стал забываться: «игнорирование и нарушение прав человека и основных свобод, в частности, права на свободу мысли, совести, религии или убеждений любого рода, являются прямо или косвенно причиной войн и тяжелых страданий человечества». В стремлении

соблюсти безопасность забывается то, что безопасность, сопряженная с подавлением, это лишь полумера. Временные приемы могут быть необходимы, но решение, не способное защитить права, является в лучшем случае иллюзией, у которой нет будущего. Несправедливость исключает долговременную стабильность.

Значение свободы религии и убеждений для стабильности и для общественного благосостояния в целом было подтверждено целым рядом новых эмпирических исследований, которые также появились с того времени, как было выпущено первое издание этой книги. Не вдаваясь в детали статистики, можно отметить, что эти исследования выявили большую степень корреляции между свободой религии и убеждений и многообразием других общественных благ. Неудивительно также, что есть сильная положительная корреляция между защитой этого права в странах и защитой других гражданских и политических прав, таких как свобода выражения, объединений, равного отношения и других подобных прав. Менее самоочевидна существующая сильная позитивная корреляция, которая была выявлена между свободой религии и убеждений и другими социальными и экономическими параметрами. Страны, в которых есть защита свободы религии и убеждений, обладают более высоким внутренним валовым продуктом, доходом на душу населения (включая более высокий доход на душу населения, который приходится на женщин), более высокий уровень грамотности и много других положительных социальных параметров. Особенно интересен тот факт, что существует сильная корреляция между защитой религиозной свободы и повышением уровня плюрализма в обществе, а также уровня мира и стабильности в обществе. Это, в особенности, значимо, так как это противоречит тому, что часто предполагают люди, ответственные за политику безопасности. Это страх по поводу того, что нарастающий плюрализм приведет к нарастанию напряженности и противоречий в обществе, но на деле верно как раз обратное. Эмпирические данные, таким образом, еще раз подтверждают принцип, который не раз цитируется в решениях Европейского Суда по правам человека: «хотя религиозный плюрализм и может быть иногда источником напряженности, «задача властей в таких ситуациях состоит не в том, чтобы убрать причину напряженности, ликвидировав плюрализм, а в том, чтобы обеспечить взаимотерпимость соперничающих между собой групп».

Далекая от того, чтобы исчезнуть совсем, религия приобрела новое значение. Однако это порождает и новые беспокойства. «Двойственность сакрального» - тот факт, что религия может порождать как добро, так и зло – приводит, с одной стороны, к глобальному возрождению религии, а с другой стороны, к глобальному давлению по сдерживанию религиозных рисков. Это снова сделало неотложными вопросы о том, как упорядочить свободу религии и убеждений. В нашем плюралистичном мире альтернативы достаточно суровы. Должны ли мы искать пути для того, чтобы различные группы жили бок о бок (что, очевидно, возможно, только при уважении к свободе религии и убеждений, будь то через государственную защиту или с помощью внедрения норм уважения достоинства и религиозного выбора других), или же мы должны оказаться лицом к лицу с постоянными трениями, с периодически возникающей борьбой, и в конце концов с крайней угрозой ядерного Армагеддона. Перед лицом этих неотвратимых альтернатив у свободы религии и убеждений есть комплексная задача защиты религии и ее потенциала творить добро, наряду с разработкой

определенных ограничений, призванных отфильтровать негативные риски, связанные с религией. В этом смысле право на свободу религии и убеждений обращается к обоим полюсам двойственности сакрального. Оно также связывает универсальное и частное: оно утверждает универсальный призыв к уважению частных взглядов в мире и требует от частной веры поддержки универсальной религиозной свободы. Однако само по себе признание того, что право на свободу религии и убеждений создано для обращения к этим двум полюсам – двойственности сакрального и столкновению универсального и частного – не означает, что воплощение этого принципа на практике происходит просто и автоматически. Скорее, это призыв к постоянному стремлению находить приемлемые пути, чтобы облегчить восприятие религиозных и культурных различий в рамках широкого поля межличностного и межкультурного уважения.

Дальше уместным будет кратко определить то, что мы называем нормативной основой свободы религии и убеждений. По мере работы с целым рядом тем по вопросам свободы религии и убеждений, мы пришли к более глубокому пониманию всего многообразия ценностей этой свободы. Мы поняли, что проблемы возникают в самых разных исторических и культурных контекстах, и что институциональные меры в каждой конкретной стране неизбежно будут различаться. Однако есть определенные базовые ценности, которые будут защищаться и декларироваться, и будут представлены каким-либо режимом, если свобода религии и убеждений уважается. Это утверждение минимальных стандартов. Конечно, многие системы идут намного дальше в построении настоящей культуры толерантности и взаимного уважения.

Свобода религии и убеждений в своей текущей исторической форме является универсально признанным правом человека, которое занимает свое место в международных нормах прав человека. На нормативном уровне уже с начала современной эпохи прав человека стало ясным, что свобода религии и убеждений является фундаментальным правом и, безусловно, одним из исключительных основных прав. Зародившееся после Второй мировой войны это право было наиболее авторитетно обозначено в статье 18 Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП). Люди – все человеческие существа в мире – являются главными носителями и пользователями этой свободы. Государства – в идеале под постоянным критическим наблюдением сознательных граждан – являются главными адресатами и, таким образом, главными носителями соответствующих обязательств. Помимо положений о религиозной свободе во Всеобщей декларации прав человека и в МПГПП, ключевые моменты и особенности права человека на свободу религии и убеждений обозначены также в Декларации 1981 года, Конвенции по правам человека, в Заключительном документе Венской встречи представителей стран-участниц ОБСЕ (в особенности принципы 16 и 17). (Замечание общего порядка) № 22 (48) Комитета ООН по правам человека представляет нормативное содержание статьи 18 МПГПП.

Нормативная основа права человека на свободу религии и убеждений может быть сконцентрирована в рамках восьми компонентов:

1. Внутренняя свобода: каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это включает свободу иметь, принимать, придерживаться и менять свою религию или убеждения.

2. Внешняя свобода: каждый имеет свободу, как единолично, так и сообщая с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков.
3. Непринуждение: ни один не может быть субъектом для принуждения, которое может повредить его или ее свободе иметь или принимать религию или убеждения, которая является его или ее выбором.
4. Недискриминация: государства обязаны уважать и гарантировать всем индивидуумам на своей территории и под своей юрисдикцией право на свободу религии и убеждений без различий любого рода, таких как раса, цвет, пол, язык, религия или убеждения, политические и иные мнения, национальность или происхождение, собственности, места рождения или какого-либо другого статуса.
5. Права родителей и опекунов: государства обязаны уважать волю родителей и, если это применимо, законных опекунов и гарантировать религиозное и нравственное образования для их детей в согласии с их собственными убеждениями, а также обеспечивать защиту прав каждого ребенка на свободу религии и убеждений, совместимую с развитием способностей ребенка.
6. Корпоративная свобода и юридический статус: религиозные общины сами по себе имеют свободу религии и убеждений, включая право на автономию в своих собственных делах. Хотя религиозные общины могут и не воспользоваться статусом юридического лица, в настоящее время общепризнано, что они имеют право на получение статуса юридические лица, что является составной частью их права на свободу религии и убеждений, а в особенности, одним их аспектов свободы выражать религиозные убеждения, как единолично, так и сообщая с другими.
7. Границы допустимых ограничений внешней свободы: свобода выражать религию или убеждения может быть подвергнута только ограничениям, которые предписаны законом и необходимы для защиты общественной безопасности, порядка, здоровья, нравственности или основных прав других лиц.
8. Неотъемлемость: государства не могут ущемлять право на свободу религии или убеждений, даже в случае крайней общественной необходимости.

Эти восемь компонентов права человека на свободу религии и убеждений могут быть определены в рамках комплекса взаимно поддерживающих друг друга, международно признанных норм прав человека. При обращении к конкретным ситуациям и практическим нуждам эти нормы нуждаются в дальнейшей интерпретации и развитии. К примеру, давние сомнения по поводу того, подразумевает ли свобода религии и убеждений то, что религиозные общины должны быть носителями прав, и должно ли это право иметь корпоративное измерение, были разрешены в пользу существования такого рода институциональных прав. В рамках Совета Европы и ОБСЕ, например, в настоящее время признано достаточно четко, что право на свободу религии и право на свободу собраний влечет за собой право религиозных общин приобретать права юридического лица для осуществления своей деятельности. Таким же образом, очевидно, что религиозные общины должны обладать

широкой автономией. В рамках дополнительного развития элементы нормативной основы получают независимое усиление со стороны других норм прав человека, которые часто имеют существенное значение для исповедания и пользования религиозной свободой, в особенности для свободы выражения, свободы собраний, свободы объединения и свободы движений.

Свобода религии и убеждений применяется к индивидуальным человеческим существам, но она также включает защиту деятельности общины (второй компонент) и отношения между поколениями (пятый компонент). Религиозные или мировоззренческие общины выигрывают от защиты, предназначенной для деятельности общин. Государства и их подразделения, учреждения и чиновники обременены соответствующим обязательством охраны коллектива, также как прав институциональных религиозных групп.

После того, как сделан перечень ключевых элементов свободы религии и убеждений, очевидно, что это сложное право, содержащее дополнительные элементы, которые пересекаются со множеством ценностей, защищаемых иными правами человека. Это приводит к восприятию свободы религии и убеждений через концептуальный фильтр других норм, с которыми связаны другие подразделы религиозной свободы, такие как равенство или свобода выражения или верховенство закона. Некоторые идут дальше, заявляя, что свобода религии и убеждений может быть сведена или заменена одной из норм. Эти тенденции подрывают наше представление о свободе религии и убеждений и не помогают понять пространство, в котором различные ценности составляют связанную паутину, которая важна именно как целое в защите все еще хрупкого взаимодействия убеждений, деятельности и общины, которые составляют вероучительные системы.

Безусловно, утверждение свободы религии и убеждений не ограничивается только обеспечением правовой защиты для перечисленных восьми компонентов. Более того, защита свободы религии и убеждений даже более разнообразная, чем защита прав человека. Многие страны обеспечивают дополнительные, более конкретные меры защиты в своих конституционных или иных правовых документах. Такого рода национальные добавления в большой степени определяются структурой государственно-церковных отношений, которые варьируются от различных форм «отделения» до утверждения религии и идентификации государства с какой-либо религией. Страны, где религия отделена от государства, делают это в разных форматах и с различным результатом. Это может быть и мягкая нейтральность Соединенных Штатов, и различные типа светскости (*laïcité*) и секуляризма, жесткое отделение, существующие во многих стран социалистического блока. Государства, позволяющие различную степень утверждения религии, могут вводить специальные положения по сотрудничеству и финансовой поддержке религиозных институтов.

Институциональная конфигурация государственно-церковных отношений отражает различные особенности истории, культуры и политических компромиссов. Базовые ценности, защищенные под эгидой свободы религии и убеждений, дают широкий спектр возможностей для разных государств по построению отношений с религией, вероучительными общинами и отдельными верующими. Между тем, существуют базовые ценности, включающие, по крайней мере, восемь перечисленных, которые утверждают минимум требований для

справедливого общества и для защиты универсального права свободы религии и убеждений.

Большинство народов мира, в том числе и те, что составляют подавляющее большинство населения мира, ратифицировали основные международные нормы, подтверждающие это право. Даже если не принимать это во внимание, свобода религии и убеждений столь фундаментальна и широко принята, что она также широко защищается как часть обычного международного права.

Несмотря на широкое восприятие международных норм, утверждающих свободу религии и убеждений, опыт их применения является печальным доказательством существующих вызовов эффективности защиты этого права. Вопиющие нарушения остаются слишком распространенными:

- геноцид религиозных групп;
- заключение в тюрьму и наказание индивидуумов по причине религии и мировоззрения;
- злоупотребление законами об антитерроризме и национальной безопасности для подавления религиозных меньшинств на разных континентах;
- дискриминация и атаки на новые религиозные движения, возбуждение вражды на религиозной почве, будь-то исламофобия или антисемитизм.

Безусловно, не все повторяющиеся отрицания этой свободы являются примером подвергающейся опасности жизни и крайних нарушений. Спектр дискриминации и нетерпимости на почве религии и убеждений достаточно широк. Ужесточение законов о регистрации, например, может строго ограничить деятельность групп и послужить неоправданным вмешательством чиновников во внутреннюю организацию общин. Барьеры на пути религиозного образования детей препятствуют передаче веры следующему поколению и могут послужить игнорированию обществом определенных групп. Дискриминация может воздействовать на все сферы жизни, как отдельных верующих, так и групп в целом, и может раскрываться в разных направлениях, таких как политическая жизнь, рабочие отношения, доступ к правам. Такого рода отступления, как кажется, не могут «квалифицироваться» как особенно жестокие нарушения прав человека, такие как пытки, исчезновения и т. п., а поэтому это приводит к долговременному недовольству, вскипающему под поверхностью, а позднее, возможно, выливается в насилие. Ключевое значение имеет то, что эти проблемы связаны с эффективными и своевременными действиями властей в соответствии с их обязательства в рамках прав человека. Конечно, различные уровни нарушений предполагают разные уровни ответа. Рассмотрение нарушений других прав может часто иметь больший приоритет. Необходимо позаботиться о гарантии того, что приоритет других неотложных случаев не позволит вопросам религиозно свободы совсем исчезнуть из поля зрения. Защита религиозных прав иногда является второстепенной темой, которой пренебрегают в опасных ситуациях, однако есть большой риск того, что нынешние возникающие столкновения могут обостриться в будущем.

В целом сохраняется тенденция возрастающего признания значения религии в общественном пространстве. Возрастающее внимание уделяется значению и расширяющейся роли религии в целом ряде сфер - от антропологии и социологии до политических наук, философии, права и конечно, роли самих религиозных исследований. Возникает необходимость обращаться к проблемам

нетерпимости и дискриминации по признаку религии. В данном случае невозможно дать всеобъемлющий обзор изменений, но будет полезно отметить несколько избранных моментов, представляющих большой интерес.

Одно из самых явных изменений касается продолжающихся споров, по поводу резолюций ООН о диффамации религии. Столкновения были усилены дебатами вокруг датских карикатур и убийством Тео ван Гога в Нидерландах, но в реальности предшествовали этим событиям. Кроме того, в 1999 году Пакистан подготовил проект резолюции Организации исламской конференции о «Диффамации ислама», которая была представлена в Комиссии ООН по правам человека. Проект резолюции был раскритикован из-за исключительного акцента на исламофобии, и в результате резолюция, которая в конечном счете появилась, была названа «Диффамация религий». Такие же резолюции принимались Комитетом ООН по правам человека каждый год вплоть до 2005 года. Впоследствии рассмотрение этих резолюций проходило в Совете ООН по правам человека, где подобные резолюции принимались каждый год. С 2005 года Генеральная Ассамблея ООН также стала принимать такие резолюции, хотя оппозиция этим решениям растет.

Другое изменение появилось в связи со встречей в апреле 2009 года в Женеве, посвященной обзору применения Дурбанской декларации и Программы действий. Заключительный итоговый документ Дурбанской конференции отказался от ссылок на диффамацию религии и вместо этого сфокусировался на «уничижительных стереотипах и стигматизировании людей на основе их религии или убеждений». Однако параграф 199 Дурбанской декларации рекомендовал, чтобы «Комиссия по правам человека разработала дополнительные международные стандарты для усиления и обновления международных инструментов, направленных против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с этим нетерпимости в ее разных проявлениях». Вследствие этого, Совет по правам человека учредил Специальный комитет по разработке дополнительных стандартов. В то время как в конце 2009 года завершалась редакция этого Введения, Специальный комитет рассматривал предложение о факультативном протоколе к статье 4 Международной Декларации о ликвидации всех форм расовой дискриминации, который был посвящен «диффамации религий». Если бы это произошло, это могло бы потенциально поднять нормативные стандарты диффамации религии с уровня необязательных резолюций на уровень обязательного международного права.

Многие страны отвечали на резолюции принятием соответствующего законодательства. Конечно, легко соглашаться с базовым импульсом, лежащим в основе резолюций, но есть на деле серьезные причины подвергать сомнению и, как минимум, корректно ограничивать любое законодательство, которое принимается. Существует множество проблем, связанных с концепцией «диффамации религий». Во-первых, технически диффамация является правовой концепцией, призванной защитить индивидуумов от нанесения вреда репутации. Не до конца ясно, как религия как таковая может применять этот инструмент. Во-вторых, оставив позади технический дефект, можно сказать, что понятие «диффамации религии» по сути обширно и трудноприменимо. Власти, которые пользуются этим понятием, склонны использовать его для защиты доминирующих религий в большей степени, чем меньшинств, непопулярных религий или диссидентов. Слишком часто это понятие использовалось для

поддержки авторитарных режимов. Более того, такого рода законодательство служит для того, чтобы оправдать акции по выражению бдительности и другие формы общественного воздействия. Инструменты диффамация религии могут использоваться для преследования политической оппозиции и усиления религиозных фракций, которые могут соотноситься или нет с тем, что верующие считают легитимным и приемлемым. В целом есть беспокойство по поводу того, что понятие о применении санкций за «диффамацию религии» может идти намного дальше предотвращения «разжигания дискриминации, враждебности и насилия», как это записано в статье 20 (2) МПГПП. Существенное волнение есть и по поводу того, что даже ограниченное понимание «разжигания» может употребляться во зло – для наказания и замораживания легитимного религиозного выражения веры религиозными меньшинствами. Целый хор голосов выступает против резолюций, посвященных диффамации религии, совсем не потому что неуместные нападки на религиозные верования справедливы, а потому что надо найти более чувствительные методы для защиты таких ценностей, чтобы не подвергать опасности право других на свободу выражения и свободу религии и убеждений.

Другие изменения, вероятно, лучше всего описать, сославшись на решения в надлежащих трибуналах по правам человека, прежде всего, в Комитете ООН по правам человека и в Европейском Суде по правам человека. Безусловно, произошло и много иных изменений на уровне конституционных решений и нового законодательства. К примеру, прошла целая волна антитеррористического законодательства и других форм законодательства, основанного на беспокойстве по поводу опасных религиозных групп. Однако для читателей этой книги может быть наиболее полезным сконцентрироваться на новых международно признанных изменениях.

Ситуация вокруг религиозных символов в школе вышла на первый план в ноябре 2009 года, когда Европейский Суд по правам человека выпустил свое решение по делу «Лаутсы против Италии» (*Lautsi v. Italy*) о том, что демонстрация распятий в итальянских общественных школах нарушает статью 2 Протокола 1 (право на образование) и статью 9 (право на свободу мысли, совести и религии) ЕКПЧ. Суд отверг все заявления итальянского правительства, что крест является национальным символом, который имеет культурное и историческое значение и выражает идентичность, терпимость и секуляризм. Суд решил, что правительство должно выплатить 5 тысяч евро заявительнице Соиле Лаутсы (*Soile Lautsi*), матери двоих детей, которые, как она заявляла, были оскорблены наличием распятий в общественной школе, которую дети посещали. Представители церкви и чиновники были возмущены и обескуражены «беспрецедентным и выходящим за всякие рамки» постановлением, которое может привести к тому, что изображения религиозных символов могут быть убраны из государственных школ по всей Европе.

Другие решения, касающиеся религиозных символов в общественных школах и университетах, включая ношение исламских платков, уже упомянуты выше. Ключевым делом в этой сфере является «Сахин против Турции» (*Şahin v. Turkey*), однако другие турецкие и французские дела следуют той же линии доказательств. По существу Суд положился на широкое «поле признания» конституционных положений в Турции и Франции в отношении секуляризма (*laïcité*), также как и на концепции того, что называется «общественным

порядком» и «правами других» вместе с довольно мало убедительными стандартами, чтобы создать ограничение статьи 9 (2) ЕКПЧ, вполне достаточное для подтверждения запрета исламских платков. Комитет ООН по правам человека, в противоположность этому, отметил, что подобный запрет в Узбекистане нарушает положения о свободе религии статьи 18 МПГПП. Затем Европейский Суд по правам человека поддержал запрет на ношение платков в турецких университетах, отметив, что Узбекистан не представил никакого оправдания своему запрету. Дела Европейского Суда об исламских платках неудачны по нескольким причинам, по меньшей мере, из-за того, что они полагались на применение двойных стандартов, что неадекватно защищает проявления религиозной свободы у мусульман.

Два следующих дела, касающихся мусульман, напрямую относятся к спорам о «диффамации религии». В деле *I.A. v. Turkey* Европейский Суд утвердил приговор в адрес директора издательского дома по поводу оскорбления ислама. Обвинение состояло в том, что он опубликовал произведение, которое содержало оскорбительные утверждения в адрес ислама и пророка Мухаммеда. Книга открыто говорила о воображаемой природе божества, об иррациональности исламских убеждений и неспособности имамов здраво рассуждать. Основываясь на своем более раннем решении по делу *Preminger-Institut v. Austria* и *Wingrove v. United Kingdom*, Суд отметил, что, несмотря на значение свободы выражения, национальные законы могут по необходимости предотвращать и наказывать неоправданные нападения и оскорбления на религиозные убеждения. Суд особо выделил, что это не означает, что религиозные группы вообще свободны от всякой критики, но государство вправе удостовериться, что право на выражения мнений используется в мирных целях. В противовес этому в деле *Aydin Tatlav v. Turkey*, Европейский Суд заявил, что решение приговорить человека заплатить скромный штраф за богохульство в контексте этого дела было нарушением свободы выражения. Заявитель в деле *Aydin Tatlav* был журналистом, который написал книгу под названием «Реальность Ислама» (*The Reality of Islam*). Она содержала исторический и научный комментарий по исламу. После того, как вышло пять изданий этой книги, прокурор начал уголовное преследование, основанное на вульгарном атеистическом подходе книги и на ее сильном критическом отношении к исламу. Суд заметил, что он «не нашел в инкриминируемых цитатах вызывающего тона, направленного прямо против верующих, или же злоупотребление нападками на священные символы, именно исламские, хотя мусульмане, конечно, могли почувствовать себя оскорбленными ироничными замечаниями в адрес своей религии, когда читали эту книгу». Наконец Суд заявил, что в этом деле не было очевидной «подавляющей социальной необходимости», которая оправдала бы ограничение свободы выражения. Суд не проводил широкого анализа разницы между решениями по этим двум делам. Однако решения ясно говорят, что пока государства будут предоставлять некоторое поле для признания в ситуациях, которые могут вести к разжиганию насилия по отношению к религии, для объяснения понадобятся основательные и весомые доказательства.

Другая область, которая привлекает особое внимание, включает в себя право на отказ от религиозного обучения в общественных школах. Так, по делу *Leirvåg v. Norway* Комитет ООН по правам человека отметил, что курс по «Христианскому знанию, религиозному и этическому образованию», который в

качестве обязательного предмета входил в расписание норвежской школы, нарушает права родителей и детей, согласно международным нормам прав человека, защищающим свободу религии и убеждений, родительские права на воспитание своих детей в согласии со своими убеждениями и права на недискриминацию. Не вдаваясь в детали, отметим, что причиной стало то, что курс, вопреки намерениям его разработчиков, не был достаточно нейтральным и не обеспечивал в достаточной мере закрепленные права на добровольность для учащихся. В деле *Folgerø v. Norway* Европейский Суд сделал, естественно, такое же заключение, основанное на жалобе, поданной различными сторонами по той же самой норвежской программе на основе параллельных суждений ЕСПЧ. Но по процедурным причинам оно сконцентрировалось только на родительских правах по Протоколу 1 к ЕСПЧ, который защищает права родителей по воспитанию своих детей в соответствии со своими убеждениями. Особое турецкое дело Европейского Суда таким же образом привело к решению, что религиозное обучение «культуре и этике», проводившееся мусульманами суннитского толка не предоставило адекватного уважения прав родителей Алеви по статье 2 Протокола 1 к ЕСПЧ. В стремлении прояснить ситуацию в отношении области обеспечения религиозного обучения о религии (что противоположно обучению самой религии или с помощью религии) Консультативный совет экспертов по свободе религии и убеждений Офиса ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека подготовил в 2007 году Толедские руководящие принципы по обучению о религии и убеждениях в общественных школах. Широкий спектр сочетаний отношений религии и государства (как и религии и школы) вполне может переплетаться с приверженностью правам человека, но требуются большие усилия по развитию школьной программы и для подготовки учителей, чтобы основные права человека уважались, а принципы толерантности и взаимного уважения культивировались в подрастающем поколении в ходе обучения и с помощью изначального примера.

Менее драматично, но также жизненно необходимо для религиозных общин соблюдение международных стандартов относительно права религиозных объединений на приобретение статуса юридического лица, если они этого хотят. Это право вытекает как из свободы объединений, так и из норм свободы религии и убеждений в рамках МПГПП, но выводы из них были сделаны более детально в последнее десятилетие Европейским Судом по правам человека. Так как основные положения похожи, то юрисдикция Европейского Суда является довольно убедительной силой в странах, обремененных МПГПП. Многие из ранних решений Европейского Суда по этой теме обсуждаются в этой книге, но появился также ряд решений и в годы после издания книги.

Одним из первых можно назвать решение Европейского Суда от 5 октября 2005 года по делу «Московское отделение Армии Спасения против России» (*Moscow Branch of the Salvation Army v. Russia*). В этом деле Европейский Суд указал, что лишение статуса юридического лица Армии Спасения, уважаемой протестантской группы, нарушило как положение Европейской Конвенции о свободе объединения, так и о свободе религии. Ссылаясь на свои предыдущие решения, Суд подчеркнул, что «отказ местных властей предоставить статус юридического лица объединению верующих ведет к вмешательству в право заявителей на свободу объединения» и «там, где предметом спора является организация религиозной общины, отказ признать ее также является

вмешательством в право заявителей на свободу религии, согласно статье 9 Конвенции». В значительной степени Европейский Суд обнаружил, что было вмешательство в религиозную свободу даже в тот период, когда российские власти продолжали отказывать Армии Спасения после решения Конституционного суда РФ, отметившего, что основания для отказа не могут противоречить конституционным принципам. То есть даже приостановление регистрации во время подачи жалобы нарушает религиозную свободу. Вывод заключается в том, что группа не должна терять юридического статуса до того, как будет предоставлено правовое обоснование, которое считается завершенным после подачи всех соответствующих обращений.

Решение по делу Московского отделения Армии Спасения имеет значение по двум аспектам. Во-первых, Европейский Суд отверг аргументы для отказа в регистрации, которые основывались на иностранном статусе отделения. В частности, хотя российский Закон о свободе совести и запрещает иностранцам быть учредителями российских религиозных объединений, Суд «не нашел разумного и объективного оправдания для различия в отношении к русским и иностранцам в том, что касается их способности использовать право на свободу религии через участие в жизни организованных религиозных общин». Что касается различий, то Суд отметил, что положения о регистрации, исключаящие иностранцев как учредителей, утверждают недопустимую дискриминацию в нарушение прав религиозной свободы, при том, что только «разумное» и «объективное» оправдание может предотвратить от дискриминационного понимания этого различия. Более того, тот факт, что руководство Армии Спасения находится за рубежом, не является правовым основанием для отказа в регистрации.

Во-вторых, Суд отклонил множество заявлений властей, которые использовались для того, чтобы отложить и игнорировать запрос о регистрации. К примеру, власти заявляли, что Московское отделение Армии Спасения не описало свою религиозную принадлежность и практики в достаточно четкой манере. Фактически, как это требуется по Закону о свободе совести, Московское отделение отмечало в своих документах, что это христианская вера, также называемая евангельской, которой и следует Армия Спасения. Европейский Суд отклонил замечание, что это может сбить с толку или другими словами является несоответствующим. Далее Суд отметил, что «не было очевидного правового основания для требования со стороны чиновников предоставить все решения, правила и традиции» этой деноминации. Суд сделал шаг вперед и добавил:

«Если описание заявителем своей религиозной принадлежности не является полным, то именно задачей национальных судов является разъяснение приемлемых правовых требований и, таким образом, предоставление заявителю ясного объяснения того, как подготовить документы для того, чтобы пройти перерегистрацию».

Практическим значением этого требования является то, что административные органы не должны применять слишком широкий для толкования подход, определяя то, что должно содержаться в регистрационных документах, и не должны играть в игру бесконечного откладывания, требуя дополнительные детали после каждой новой подачи документов.

Европейский Суд предложил еще более детальное руководство, касающееся уважения права на юридический статус в деле «Церковь Саентологии».

Москвы против России» (Church of Scientology Moscow v. Russia). В этом деле Московское управление юстиции отклонило заявления о перерегистрации Церкви Саентологии одиннадцать раз. Было выдвинуто множество причин, но ни одна не прошла проверки. В сущности Европейский Суд признал, что мелкие чиновники в Москве манипулировали Законом о свободе совести 1997 года для блокирования перерегистрации непопулярной группы. Из-за большого числа оправданий такого поведения, Европейский Суд в своем решении представил обширный список типов бюрократических действий по лишению религиозных общин прав юридического лица, которые несовместимы с требованиями свободы религии. Суд пришел к нескольким заключениям, касающимся права на статус юридического лица.

Во-первых, Суд выделил главный принцип, что право на статус юридического лица связано с подразумеваемым правом религиозных общин на религиозную автономию:

«Автономное существование религиозных общин необходимо для плюрализма в демократическом обществе и является, таким образом, объектом для защиты, которую предоставляет статья 9. Обязанность государства быть нейтральным и беспристрастным, как определяется в практике Суда, несовместимо с любыми властными попытками со стороны государства оценить легитимность религиозных убеждений...».

Лишение права на получение статуса юридического лица несовместимо с мерами защиты свободы религии по статье 9 и с положениями о свободе объединений по статье 11 Европейской Конвенции.

Как и в деле по Армии Спасения Европейский Суд отметил, что чиновники не могут принуждать религиозную группу к участию в бесконечной игре с догадками о том, как же она может исполнить требования регистрации. По словам Суда, если информации в заявлении на перерегистрацию не хватает, «то именно задачей национальных судов является разъяснение приемлемых правовых требований и, таким образом, предоставление заявителю ясного объяснения того, как подготовить документы». Неспособность Московского управления юстиции четко объяснить то, что нужно, относится к нарушению прав религиозной общины.

Суд подчеркнул, что чиновники не могут лишать регистрации по причинам, которые находятся под контролем самих властей. К примеру, несколько заявлений саентологов были отклонены, потому что церковь не предоставила оригинал своего устава. Оставляя в стороне тот факт, что закон не требует строго предоставления оригинала, неудача церкви в данной ситуации была связана с тем, что оригинал уже находился у представителей власти.

Более того, власти не могут занимать несовместимые друг с другом позиции. Например, Суд заметил «несовместимый подход Московского управления юстиции, которое, с одной стороны, признает компетентность в определении неполноты заявления, а с другой стороны, отвергает свою компетенцию в том, что касается определения признаков возможной природы якобы упущенных моментов в заявлении».

В свете проблем с обращениями саентологов по поводу перерегистрации Суд заключил, что «надо заметить, что в процессе лишения регистрации Церкви Саентологии в Москве московские власти действовали совсем не согласно добрым намерениям и пренебрегли своими обязанностями быть нейтральными и

беспристрастными по отношению к религиозной общине заявителя». Так, нейтральность и беспристрастность могут быть нарушены не только определенными действиями чиновников, но и нежеланием действовать в соответствии с добрыми намерениями.

Европейский Суд специально отсылает к положениям о регистрации в Федеральном законе № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» решения по делу «Кимля и другие против России» (Kimlya and Others v. Russia) в 2009 году. Заявители пытались зарегистрировать Церковь Саентологии в Татарстане. После того, как им было отказано в регистрации в качестве нерелигиозного объединения, так как суды и государственные эксперты признали Церковь Саентологии религиозной организацией, заявителям было отказано в регистрации в качестве религиозного объединения, так как оно не соответствует требованию Закона 1997 года о 15-летнем сроке существования для получения прав юридического лица.

Российская Федерация доказывала, что статус незарегистрированной религиозной группы в достаточной мере удовлетворяет требованиям религиозной свободы, а правило 15-летнего срока не произвольное и недискриминационное. Суд заявил, **что** статус группы «не приносит никаких практических и эффективных выгод, так как группа лишена статуса юридического лица, прав собственности и правоспособности для защиты интересов своих членов, а также сильно препятствует осуществлению фундаментальных религиозных функций». Суд отметил, что такие ограничения на корпоративное право на получение прав юридического лица как на часть групповых прав на религиозную свободу не было необходимым в демократическом обществе и нарушало статью 9. По мнению Суда, длительный 15-летний период ожидания вызывает сомнения, согласно статье 9, а заявления властей о том, что временное ограничение предотвращает нарушение прав человека или совершение противоправных действий не является соответствующим или достаточным для оправдания этого ограничения. Суд заметил, что требование 15-летнего срока в Законе о свободе совести 1997 года затрагивает лишь религиозные общины базового уровня, которые не могут доказать свое присутствие в каком-либо российском регионе или свою принадлежность к централизованным религиозным организациям. «Тем не менее, очевидно, - отмечает Суд, - что только эти недавно появившиеся религиозные группы, которые не являются частью строго иерархической церковной структуры, затронуты этим правилом 15-летнего срока, а власти не могут оправдать такого рода дифференцированный подход».

Существует множество изменений, которые еще можно было бы упомянуть, однако будем надеяться, что все вышеупомянутое показало особенности развития ситуации, а также открыло некоторые дополнительные «источники» в духе этой книги в целом, что может помочь защитить права на свободу религии и убеждений.

Необходимость в постоянном утверждении основных принципов свободы религии и убеждений, кажется, к сожалению, не будет уменьшаться, а только расти. Нетерпимость, дискриминация и гонения продолжаются – они ограничены под воздействием норм религиозной свободы, но не искоренены совсем. Большинство государств стремятся воплотить в жизнь международные стандарты свободы религии и убеждений, но многие не соответствуют этим нормам, и ни одна страна не является совершенной в этом отношении. Чиновники сменяются в

учреждениях, многие постоянно изучают и повторяют уроки того, как быть более чуткими в уважении различных убеждений. Однако многие не интересуются изучением, и, к сожалению, некоторые придерживаются взглядов, противоположных основным принципам свободы религии и убеждений. В противовес этому, иногда обескураживающему положению вещей, авторы изданной в Москве в 2010 году книги «Свобода религии и убеждений: основные принципы» поставили перед собой задачу утверждения свободы религии и убеждений: есть большая сила в сотрудничестве, разумных спорах и взаимоуважительном диалоге.

Еще много предстоит сделать. Однако здесь мы не будем давать конкретных рекомендаций, которые можно найти во многих главах книги. Помимо тех задач, которые требуют действия, перед каждым поколением стоит задача переосмысления фундаментального восприятия свободы религии и убеждений, способное разжечь интерес к этой теме. Иногда искры от разожженного интереса приводят к реакции на притеснения, иногда выражаются в благодарности за опыт свободы и уважения, иногда к защите прав, которые подверглись опасности. Независимо от источника этих искр, полученное пламя нуждается в том, чтобы его поддерживали и оберегали в рамках бесчисленных способов, предложенных в этой книге.

Перевод Романа Лункина

Натан ЛЕРНЕР

ПРИРОДА И МИНИМАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ СВОБОДЫ РЕЛИГИИ И УБЕЖДЕНИЙ*

Данная статья представляет обзор сущности и диапазона международных минимальных стандартов свободы религии и убеждений, регулируемых принципиальными международными нормами. Хотя международное сообщество еще раньше привлекало свое внимание к расовой дискриминации, расовой ненависти и другим вопросам прав человека, Организация Объединенных Наций не делала этого по отношению к расовой и *религиозной* дискриминации и нетерпимости до начала шестидесятых годов, когда она отреагировала на вспышки антисемитской ненависти. ООН подошла к данным вопросам в отдельности и в короткие сроки подготовила проекты декларации и конвенции против расовой дискриминации. Однако ООН не принимала декларацию в отношении религии и убеждений до 1981 года. Более того, по причинам, приведенным ниже, ООН вряд ли примет конвенцию в отношении религии и убеждений в ближайшее время.

Международные организации приняли меры, направленные на гарантирование свободы религии и убеждений на глобальном и региональном уровнях. Эти меры определенным образом повлияли на национальное законодательство. Они затрагивают вопросы: (1) природы, диапазона и других существенных аспектов свободы религии и убеждений; внутренних и внешних

* Друкується за: Свобода религии и убеждений. – М., 2010. – С. 135-164.